

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Том 2

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Выпуск 2

Средневековая археология евразийских степей

*Материалы Учредительного съезда
Международного конгресса*

Казань, 14–16 февраля 2007 г.

Том II

Казань 2007

Серия «Археология евразийских степей»

Выпуск 2

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Ответственные редакторы:

член-корреспондент Академии наук РТ
доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**,
кандидат исторических наук **А.Г. Ситдиков**

Редакционный совет серии:

Ситдиков Айрат Габитович (Казань) – сопредседатель, **Хузин Фаяз Шарипович** (Казань) – сопредседатель, **Артемьева Надежда Григорьевна** (Владивосток), **Афанасьев Геннадий Евгеньевич** (Москва), **Байпаков Карл Молдахметович** (Алматы, Казахстан), **Белорыбкин Геннадий Николаевич** (Пенза), **Боталов Сергей Геннадьевич** (Челябинск), **Волков Игорь Викторович** (Москва), **Гмыря Людмила Борисовна** (Махачкала), **Евглевский Александр Викторович** (Донецк, Украина), **Кляшторный Сергей Григорьевич** (С.-Петербург), **Кызласов Игорь Леонидович** (Москва), **Мухамадиев Азгар Гатауллович** (Казань), **Мыц Виктор Леонидович** (Симферополь, Украина), **Нарожный Евгений Иванович** (Армавир), **Овсянников Владимир Владиславович** (Уфа), **Рашев Рашио** (Шумен, Болгария), **Руденко Константин Александрович** (Казань), **Савинов Дмитрий Глебович** (С.-Петербург), **Табалдиев Кубатбек Шакиевич** (Бишкек, Киргизия), **Татауров Сергей Филиппович** (Омск), **Тихонов Сергей Семенович** (Омск), **Тишкин Алексей Алексеевич** (Барнаул), **Фодор Иштван** (Будапешт, Венгрия), **Худяков Юлий Сергеевич** (Новосибирск).

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна (Казань) – ответственный секретарь

Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. II. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. – 180 с.

ISBN 978-5-94981-087-3

Игорь Кызласов

Институт археологии РАН, г. Москва

ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ ПУТЬ В СУДЬБЕ РОССИИ

Чтите гостя или посла, если не можете подарками, то пищей или питьем, они, проезжая, будут прославлять человека либо добрым, либо злым по всем землям.

Почтение Владимира Мономаха (1099 г.).

В последние годы историки культуры увлечены Великим Шёлковым путем. Учитывая его значение в истории Евразии, такое пристрастие вполне понятно. Однако в судьбе той части континента, которая зовется Россией, значительно большего внимания заслуживает Великий Сибирский путь, издревле широтно соединявший Северную Евразию. Именно вдоль него и во многом благодаря ему сложилась и крепла наша Родина.

Широтный путь, в целом проходивший по степи и границе лесной зоны, с момента появления колесных повозок и верхового коня приобрел определяющее значение для всей последующей истории общевразийских культурных и политических связей. Науке еще предстоит выяснить периодичность и интенсивность его действия на разных исторических этапах, определить основные трассы и ответвления, со временем все больше охватывавшие и степные, и таежные пространства. Но уже сейчас очевидно, что во все времена по Сибирскому пути распространяется и воздействует на его окружение, прежде всего, самая яркая и наиболее значимая форма материальной культуры – продукция развитых металлургических и металлообрабатывающих центров¹.

В раннем и развитом средневековье эта северная трасса, наравне с южным Шелковым путем, способствовала быстрому становлению и росту всех евразийских государств тюркских народов и распространению их культур, а вследствие всего этого, широкой тюркизации до того иноязычного и инокультурного населения.

В последние десятилетия археологами выявлены новые свидетельства функционирования этого пути в IX–X вв. и, наиболее интенсивно, в XI – начале XIII вв. Особая важность этого открытия для правильного понимания процессов как предмонгольского, так и последующих периодов общей истории Евразии вполне очевидна.

Сочинение Гардизи, персидского географа XI в., помимо значительных сведений о южноси-

бирской Древнехакасской державе, приводит легенду о происхождении ее правящего рода хыргыз. Предание позволяет проследить основной ход торгового пути, соединявшего Саяно-Алтай и Восточную Европу: земля славян – хазар – башкир – кимаков – земля хыргызов, т.е. Приднепровье – Поволжье – Южное Приуралье – Среднее Прииртышье – долины Енисея². Ныне следует обратить внимание на то, что Гардизи по всей этой евразийской трассе называет только тюркские народы. Это обстоятельство, соотносимое с излагаемыми ниже данными, позволяет думать, что именно тюркская речь в раннем средневековье служила языком международного общения, объединявшего Сибирский путь.

Эта дорога (далее на запад уходившая к франкам, а на восток – в Монголию и Китай) была известна средневековым хакасам уже в IX–X вв. На то указывают находки бронзовых изделий тюхтятской культуры на Среднем Иртыше (служащем дорогой на запад: см. памятники устьишимской культуры)³, на Южном Урале, на Днепре⁴ и в устье Дона⁵. Южносибирское воздействие на Запад достигло тогда и крайнего севера Европы, уже к X в. породив серию «скандинаво-сибирских гибридов»⁶. Эти данные позволяют считать древнехакасскими и те характерные подкурганые захоронения по обычаю трупосожжения IX–X вв., которые обнаружены в устье Ишима⁷. Близкие по обряду курганы обнаружены и на Южном Урале (где они получили наименование памятников селентациского типа)⁸. Александровский могильник, наиболее близкий к памятникам тюхтятской культуры, исследован на юге Челябинской области⁹.

Знакомство средневековых хакасов с Восточной Европой переросло в активное и постоянное общение на стадии аскизской археологической культуры¹⁰. Украшенные серебром и золотом железные изделия, изготовленные на Енисее в конце X – начале XIII вв., свидетельствуют о систематическом пребывании на Русь са-

яно-алтайских посольских и торговых экспедиций. Аскизские предметы этого времени найдены при раскопках 11 древнерусских городов и селищ: на Кубенском озере (селище Минино Г)¹¹ в бассейне Северной Двины, в Великом Новгороде на Волхове, в детинце Новогрудка на Немане, в Смоленске в верховьях Днепра, в детинце летописного Болдыжа (городище Слободка) на р. Навля в бассейне Десны, в Серенске на Оке, летописном Снепороде (городище Мацковцы) на р. Суле, на Семилукском городище, Лавском селище и у с. Нижний Воргол на Дону, поселении Каменное близ Ёльца¹². Для полноты картины укажу и на сбруйный набор древнехакасской работы, найденный в постройке второй половины XIII в. на городище-святылище Звенигород на р. Збруч в Прикарпатье¹³.

И хотя вполне очевидна неполнота этих данных, уже сегодня ясно, что древнехакасские изделия найдены по всей территории Руси, а их расположение определяет цель таких поездок — несомненна их связь с важнейшими торговыми путями и центрами региона.

Подобно Руси, аскизские изделия встречаются в домонгольских пластах конца XI—XII в. и второй половины XII — первой трети XIII в. на памятниках всей государственной территории Волжской Булгарии. Количество находок археологи исчисляют уже сотнями, а число памятников, где они сделаны, десятками¹⁴. На севере древнехакасские караваны достигали Пермского Предуралья. Предметы всаднического снаряжения аскизской культуры найдены на Рождественском городище. Сообщается об аскизских находках также на четырех других городищах: Соломатовском, Городищенском, Анюшкар, Телячий Брод¹⁵. Показательно, что южносибирские древности концентрируются в местах прохождения и пересечения торговых путей, на лучших переправах при впадении Камы в Волгу и на дороге из города Болгара в Киев (Золотаревское поселение)¹⁶.

Можно думать, что в Поволжско-Приуральских землях положение древнехакасских землепроходцев отличалось от того, которое представляется по немногочисленным пока находкам на Руси. Вероятно, в Поволжье и Прикамье существовали постоянные древнехакасские торговые фактории, имевшие непрерывную связь с южносибирской митрополией. На это указывает как большое количество древнехакасских находок, так и их связь с городскими и торговыми центрами и путями Поволжско-Уральского региона. Особенно показательна в этом отношении принадлежность аскизских изделий, найденных к западу от Урала, к нескольким сменявшим друг друга этапам внутреннего раз-

вития этой саяно-алтайской культуры, производивших с XI до начала XIII в.¹⁷ Такое было бы невозможно в случае краткого проникновения, эпизодических приездов или транзитной торговли. Непрерывная деятельность сибирских факторий в Поволжье и Приуралье объясняет появление особой долго удерживавшейся и широко распространившейся моды на древнехакасские изделия: среди волжских булгар, средневековых удмуртов, марийцев и мордвы. В XI—XII вв. у всех них возникли и широко распространились местные подражания аскизским формам¹⁸. Другим направлением воздействия Древнехакасского государства на Европу явилось, насколько можно судить, клинковое оружие¹⁹.

Явную связь аскизских изделий с торговлей, равно как и места прохождения торгового пути через Урал, проявляют находки на угорском Кишерском могильнике юго-восточнее Кунгура. Автор работ точно датировал его периодом от рубежа XI—XII вв. до первой трети XIII в.²⁰ Именно к этому времени относятся и найденные там, но не опознанные при публикации многочисленные аскизские находки²¹. Одно из стремян, украшенное характерной серебряной аппликацией²², указывает на происхождение всей партии стальных стремян²³, столь тонких и легких, что рождается мысль о намеренном их производстве для продажи и перевозки²⁴.

Теперь, я думаю, становится понятным устойчивое указание арабских и персидских авторов X в. (ал-Истахри, Ибн Хаукаля, «Худуд ал-Алам») на то, что Итиль «берет начало близ (земли) хырхызов», «вытекает от границы хырхызов» или «вытекает из области Хырхыз»²⁵. Географы Среднего Востока, как известно, верхним течением Волги считали Каму, а ее истоки искали далеко на востоке не потому, что путали их с верховьями Иртыша, как ныне утверждают некоторые исследователи²⁶. Поскольку древнехакасские караваны, постоянно прибывающие в Поволжье, перевалив Урал, спускались туда по Каме, у посторонних наблюдателей создалось впечатление о размещении ее верховий в пределах Древнехакасской державы, называемой по ее Хырхызской династии.

Следует также сказать, что появление на культурном пространстве Восточной Европы посланцев новой, богатой рудными залежами мировой державы не случайно совпадает с начавшемся на западе Евразии серебряным кризисом. Южная Сибирь, всадники которой пользовались блиставшей серебром и золотом сбруей, восполняла, надо думать, возникшую к западу от Урала нехватку в драгоценных металлах.

Евразийское значение аскизской культуры Древнехакасского государства в трагическое

монгольское время выразилось в том, что она оказалась одним из элементов формирования государственного стиля империи Чингизидов²⁷. В предшествующее время, в IX–X вв., подобное произошло уже не только со сrostкинской и иными южносибирскими культурами, но и с официальным стилем киданьской империи Ляо, сложившимся под явным воздействием тюхятской культуры древних хакасов²⁸. Художественные особенности, присущие древнехакасским изделиям каменного этапа аскизской культуры оказали прямое воздействие на оформление сбури центральноазиатских, казахстанских и европейских кыпчаков золотоордынского периода²⁹. Так же, как это уже произошло в отношении болгарских подражаний аскизским предметам XI–XII вв., археологам теперь необходимо отличать собственно саяно-алтайские изделия XIII–XIV вв. от их кыпчакских производных, широко распространившихся по Восточной Европе. Без этого не понять не только отразившихся в вещевых сериях политических сложностей эпохи, но и особенностей последующей этнографической материальной культуры казахов и ряда других народов степной зоны.

Археологические данные подтверждают свидетельства ряда арабо-, персо- и китаеязычных источников, отмечающих веками существовавшую большую роль международной торговли в жизни Древнехакасского государства, в том числе оказываемую ей там официальную поддержку³⁰. Далеко не случайно именно в XI–XII вв. международные связи Древнехакасского государства с Востоком получают наибольшую протяженность. Эта историко-культурная особенность в развитии Саяно-Алтая хорошо выделяется даже при изучении отдельных, но весьма показательных категорий привозных предметов. Так, например, подробно исследованная серия бронзовых зеркал, найденных в Хакасско-Минусинской котловине на Среднем Енисее³¹ (важной, но небольшой территории обширного средневекового государства) демонстрирует не только продолжение активных и давних торговых связей с Китаем и киданьской империей Ляо, но и со сменившей ее дальневосточной чжурчжэньской державой Цинь и даже приморской Кореей и островной Японией³².

Движение по Сибирскому пути было двухсторонним. Арабские авторы сообщают, что купцы Волжской Булгарии достигали р. Чулыма, т.е. пределов Древнехакасского государства³³. В аскизских курганах Причулымья найдены прибалтийские янтарные украшения³⁴. На Сибирском торговом пути встречены западноевропейские вещи того же предмонгольского времени: лотарингская бронзовая дарохранильница на-

чала XIII в. и меч с латинской надписью последних годов XII – первой четверти XIII в.³⁵ В бассейнах Иртыша и Оби во множестве известны привозные приуральские, волжско-болгарские и древнерусские предметы (последние поступали не только из Новгородской, но и из Владимиро-Суздальской земли). Эти данные уже вошли в обобщающие работы сибиреведов³⁶ и учебные пособия сибирских вуз'ов³⁷. Характерные бронзовые изделия поволжско-уральских финно-угорских народов распространялись до Енисея. Они отложились в коллекциях Минусинского музея и музея Томского университета.

Раннесредневековые евразийские связи и особая роль в них Древнехакасского государства, Волжской Булгарии и Руси – новая тема в нашей медиевистике. Важно осознать: слава о камских, волжских, днепровских, неманских и волховских торжищах в XI–XII вв. достигала берегов Енисея, а саяно-алтайские посольства приносили в Европу сведения о сибирских пространствах и их богатствах.

Эти знания, полученные на Руси за 5 веков до Ермака и за 200 лет до превращения Восточной Европы в улус Золотой Орды, во многом определили ход евразийской истории в последующий период. Не от тесноты Западной Европы и малой населенности зауральской тайги двинулось на Восток набравшее силы Московское царство – давние знания о богатствах сибирского края позволили ему в выгодной геополитической ситуации избрать именно это направление.

Для понимания позднесредневековых процессов, происходивших в Сибири, следует также учитывать, вероятно, и то особое «единое экономическое наднациональное пространство в масштабах значительной части Евразии», которое складывалось на долговременных международных торговых трассах. Это мало изученное пока явление, судя хотя бы по близости, а местами и слиянию согдийской и тюркской культур, отличало уже южный Шелковый путь. Однако в нашей литературе оно наиболее отчетливо отмечено на примере Волжского торгового пути³⁸.

Совсем неслучайно в конце XVI и в XVII вв. основное продвижение казаков за Уралом обеспечивалось местными сибирскими проводниками (на западе это в основном были манси, а на востоке – эвенки), а первоначальные остроги нередко ставились с добровольной строительной помощью аборигенных жителей³⁹. Ими же, как известно, поставлялось русским землепроходцам не только продовольствие, но зачастую и первое семенное зерно. Ранние границы нового административного членения Сибири воспро-

изводили рубежи предшествующих местных держав. На этом обстоятельстве стоит остановиться подробнее.

Сибирь поначалу воспринималась Русским царством как отдельная страна (именно в соответствии с этими взглядами составлялась Есиповская летопись, построение которой отличается от прочих летописей внутренних районов государства). И, поскольку столицей этой Восточной страны (как она именовалась русскими издревле) считался Искер (Сибирь, Кашлык), совершенно ясно, что под Сибирью в XVI в. и в начале XVII в. в России понимаются лишь владения Тайбугидов и Шейбанида Кучума в Западной Сибири, на востоке ограниченные Обью.

Присоединив эту страну, правительство по-особому, не так как в других русских областях, организовало и управление ею. В Сибири был создан самостоятельный административный центр, главенствующий над прочими уездами и контролирующей деятельность местных воевод. Таким городом стал Тобольск – прямой преемник прежней столицы Кучума, осознанно выстроенный неподалеку от нее. Не случайно и то, что первые воеводы Тобольска состояли в родстве с русским царским домом, здесь же была создана и архиепископская кафедра⁴⁰.

В отечественной литературе местоположения сибирских острогов обычно объясняются двумя обстоятельствами: земледельческим освоением края и защитой от военной угрозы. Первая причина вряд ли может быть серьезно воспринята для таких русских городов как Мангазея, Енисейск или Якутск, поставленных в таежных дебрях. Целью здесь была добыча пушнины и, конечно же, закрепление на путях дальнейшего продвижения на восток (иными словами, вторая причина заключена в первоначальном назначении острогов – опорных пунктов при расширении подвластных земель, а не центров защиты еще не сложившихся границ). Третья причина немедленно проявилась с началом борьбы русских отрядов со следующей за Кучумовой Сибирью восточной страной – Древнехакасским государством («Киргизской землицей» русских документов). Уже в конце XVII в. на его землях, еще чужих для Русской державы (их присоединение произойдет только в 1718 г.), начали возводить крепости на серебряных рудниках (Каштацкий острог), как это было и на Оби (Умревинский острог). Те же причины привели к созданию Аргунского и Шилкинских острогов в Восточной Сибири⁴¹.

Возвращаясь к организации сбора ясака русским правительством, нельзя не заметить, что многие остроги были сооружены на вековых местах традиционного сбора дани⁴². Так, при

анализе письменных и археологических источников выясняется, что Томский (1604 г.), Красноярский (1628 г.) и Абаканский (1707 г.) остроги наследовали податным центрам Древнехакасского государства не только развитого, но и раннего средневековья, а его правители-хыргызы, в свою очередь (судя по концентрации находок тагарских изделий в тайге), восприняли систему сбора ясака еще от динлинов раннего железного века. В начале XVIII в. маньчжурский двор Цин, вслед за монгольскими Алтынханами претендуя на сбор дани с правого берега Среднего Енисея, затеял долгую дипломатическую тяжбу из-за возведенного русскими Абаканского острога. Заявления претендентов и дипломатическая переписка в полной мере раскрывают давнее административное значение этого места и, косвенно, сменившего его в этой роли Красноярска⁴³.

Однако даже в период государственного противостояния Сибирский путь продолжал действовать. Через хакасские земли и с хакасами-проводниками (иногда это были князья) проходили в Монголию и Китай русские посольства XVII в. (В. Тюменца и И. Петрова в 1616 г., С. Гречанина и Б. Карташова в 1636 г., В. Старкова и С. Неверова в 1638 г. и т.п.), а в Москву двигались монгольские (в 1616, 1619 гг. и др.). Лишь в период открытых военных действий прямой путь был им всем заказан (как И. Белоголову в 1609 г.). Тогда русским посланцам в Центральную Азию приходилось обходить Хакасию по ее северной границе (так ехал Н.Г. Спафарий Милеску в 1675 г.)⁴⁴.

Как видим, процессу продвижения России на Восток и быстрому присоединению к ней Сибири в немалой степени способствовал налаженный общеевразийский Сибирский путь, искони соединявший взаимодействующие народы. До известной степени именно он заменен теперь проходящей в Китай Транссибирской железнодорожной магистралью.

* * *

Здесь дан обзор только основных широтно направленных культурных и политических связей, закономерно объединявших народы Евразии от древнейших до новых времен. Особенно важно, что эти сношения происходили вопреки естественной транспортной сети. Пути, проходившие вдоль евразийского пространства, почти повсеместно шли поперек течения главных рек материка. Меридиональные связи с цивилизациями далекого Юга на тех же просторах Восточной Европы (путь из варяг в греки или Волжский путь) или пространствах Западной Сибири были столь же исконными, постоянными и естественными. Их существованию благопри-

ятствовало направление рек и долин. Однако, как представляется, они охватывали отдельные полосы Евразии и только при использовании налаженных широтных путей приобретали общий континентальный характер.

Быть может, история особенно ярко показала эту закономерность, когда Московское царство, распространившись вдоль меридиональных речных путей от Белого и Баренцева до Каспийского и Черного морей, выстроила свое политическое движение вдоль широтного Велико-Сибирского пути. Сложение и развитие Киевской Руси определил путь Днепровский, рост Московской Руси – Волжский путь, для России же таким судьбоносным стал Великий Сибирский путь. Он оказался тем стеновым хребтом, который создал и до сих пор удерживает богатырское тело России. Был и останется евразийскими весами ее истории.

Примечания

¹ Кызласов И.Л. О единстве культур степной зоны Евразии // КСИА. Вып. 207. 1993.

² Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи древне-хакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984 (то же: Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987). Данная Л.Р. Кызласовым трактовка сведений Аль-Омари как указания на связи Булгара с Причюлымьем, принята: Полу-бояринова М.Д. Китайский фарфор с Болгарского городища // РА. 2003. № 3. С. 143.

³ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 122; Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. Карта 38. Табл. LXXXI, 15.

⁴ Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи... С. 117; Кызласов Л.Р., Король Г.Г., Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990. С. 172. Рис. 64.

⁵ Король Г.Г., Конькова Л.В. Средневековые ремесленные украшения из коллекции ГИМ (проблемы атрибуции, датировки и интерпретации) // РА. 2004. № 4. Алтайские аналогии, создавшие для авторов этой работы «проблемы атрибуции, датировки и интерпретации», на деле являются прямым следствием воздействия древнехакасской тюхтятской археологической культуры середины IX – конца X вв. на иные культуры Саяно-Алтая и Южной Сибири. Предвзятое отношение к обнаружению саяно-алтайских предметов IX–X вв. на юге Восточной Европы привело к искусственным словесным построениям (понятие «место происхождения» было сведено до «региона наибольшего распространения и популярности изделий, не имея в виду место производства» –

Король Г.Г. Средневековые личины Саяно-Алтая и Восточной Европы (торевтика малых форм) // Археология Верхнего Поволжья. М., 2006. С. 154, 155, 177, 178, прим. 18).

⁶ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 45. Рис. 13, 1; Михайлов К.А. Центральноеазиатские ремесленные украшения в материалах древнерусских памятников X века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1997. Изучение этого немногочисленного материала не следует отрывать от распространившихся в Восточной Европе подвесных листовидных и округлых блях с бубенчиком или выпуклиной в центре, на которых изначально воздействие южносибирских форм проступает яснее. Будем учитывать и более раннюю датировку саяно-алтайских подвесных блях с личинами, чем европейских, и обнаружение других изделий тюхтятской культуры на Днепре (о том и другом умалчивает работа: Король Г.Г. Средневековые личины...). Вопреки общим соображениям о влиянии Ирана или Восточного Туркестана (не подкрепленным находками), ныне известно четыре разновидности подобных блях: обособленная поволжская, с реалистичным лицом на гладком фоне (набор из четырех блях: Ново-Никольский м-к, к. 7, п. 13 – Гаврилина Л. Бляхи-решмы в украшении узды у кочевников Восточной Европы X–XI веков // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 79, 81. Рис. 1: 2), и объединяемые растительным узором и антропоморфными ликами южносибирская, североамериканская (Гнездово, Новгород) и южноамериканская (Херсонес, Преслав). Последняя серебряная штампованная бляха с позолотой (Витлянов С. За украсата на старобългарската конска амуниция от Велики Преслав // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1989. С. 400–403. Обр. 1) остается у наших археологов без внимания. Следует учитывать и позолоту бронзовых южносибирских блях. Укрупнение орнамента в южноамериканской группе, как и стилизация личины под морду льва в Преславе, пожалуй, указывает на удаленность их стилистики от прототипа.

⁷ Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи... С. 122, 123.

⁸ Боталов С.Г. Эпоха средневековья Урало-Ишимского междуречья II–XIV вв. Автореф. дис... канд. ист. наук. Уфа, 1994; он же. Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Челябинск, 2000. С. 304, 305.

⁹ Мосин В.С., Григорьев С.А., Таиров А.Д., Боталов С.Г., Самигулов Г.Х. История археологии Южного Зауралья. Челябинск, 2002. С. 247. Боталов С.Г. Поздняя древность и средневековье... С. 305–307, 317 (см. также с. 307, рис. 25, II).

¹⁰ В этой работе мною не ставится задача выяснения общего евразийского значения аскизской археологической культуры, всей связанной с этим проблематики и литературы вопроса.

¹¹ Селище Минино I, 2000 г., раск. I, кв. М-28-б, пл. 2. подвесной наконечник с утраченным шарниром (огластинский этап). Благодарю И.Е. Зайцеву (ИА РАН) за предоставленные сведения.

¹² Кызласов И.Л. Сибирские землепроходцы на Руси // Горный Алтай и Россия: 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 60–64, форзац; он же. Следы пребывания древних хакасов в городах Руси XI–XIII вв. // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1. СПб – Псков, 1997; Кызласов И.Л., Гайдуков П.Г. О дальности восточных связей Великого Новгорода в древнерусскую эпоху // Средневековая археология евразийских степей (Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 3). М.– Йошкар-Ола, 2006. Материалы из Каменского предоставлены мне студентом Липецкого госпедуниверситета С.И. Миловановым.

¹³ Кызласов И.Л. Следы пребывания древних хакасов ... С. 382. Рис. 3.

¹⁴ Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань, 2001.

¹⁵ Белавин А.М. Аскизские предметы в Пермском Предуралье // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003. С. 138–139.

¹⁶ Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб., 2001. Влияние аскизской культуры, опосредованное Волжской Булгарией, обнаружено на других селищах региона XI–XII вв.: Винничек В.А. Материалы памятников Верхнего Посурья и Примокшанья // Археология Поволжья. Пенза, 2001. С. 102. Рис. 5: 17-21, 23, 30; 12: 19-23, 28.

¹⁷ Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири и ее древности в Восточной Европе // К.А. Руденко. Тюркский мир и Волго-Камье... Казань, 2001.

¹⁸ Хронология аскизских древностей, найденных в Восточной Европе и порожденных их появлением местных форм XI–XII вв., детально проработана ныне К.А. Руденко. Удивляет подход М.Г. Крамаровского, связавшего всю совокупность обсуждаемых материалов с монгольским нашествием, вопреки не только серии предметов малиновского этапа аскизской культуры, обнаруженных в Поволжье, но даже и характеристике культурного слоя и стратиграфии памятников, где сделаны находки, результатам их сравнительно-типологического анализа (Крамаровский М.Г. Ранние Джучиды: хронология и проблема культуругенеза // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2004. С. 60, 61). Показательно, что тот же подход

отмечен и в отношении датировки М.Г. Крамаровским других категорий инвентаря XII в. (Валиулина С.И. Иранская чаша XII в. из Биляра // РА. 2007. № 1. С. 176). Иное вещеведение, способное обогатить наше восприятие исторических процессов XIII и XIV вв., см.: Руденко К.А. Золотоордынская эпоха в Среднем Поволжье (по археологическим данным) // ТА. 2006. № 1-2.

В другой работе М.Г. Крамаровский мимоходом (и столь же загадочно для меня) смешивает различные археологические культуры, заявляя, что появление аскизских изделий к западу от Урала «логично связать с отголосками половецкой экспансии в степи Восточной Европы» (Крамаровский М.Г. Ранние Джучиды: особенности формирования культуры // Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005. С. 43). В обоих показанных случаях археологическое источниковедение напрасно подменяется Марком Григорьевичем схематичным восприятием политической истории Восточной Европы XI–XIII вв.

В литературе встречается и жалкая уловка объяснить аскизские древности в Европе не воздействием конкретной культуры, а некими общими тенденциями перехода на железо в оформлении снаряжения и сбруи. Равным образом следовало бы объяснять появление в Европе дирхемов переходом на серебро как на средство платежа, исключая деятельность конкретных монетных центров.

¹⁹ Кызласов И.Л. Связи Южной Сибири с Восточной Европой. Мечи домонгольской поры // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.

²⁰ Пастушенко И.Ю. Кишерский могильник в бассейне Сылвы // Finno-Ugrica, 2005–2006. № 9.

²¹ Там же. Рис. 2, 3-2; 5, 17-3; 10, 23-5, 7, 24-5; 11, 26-10. Упрека в невнимании к аскизским особенностям автор не заслуживает: статья написана в 1995 г. – до серьезной разработки этой темы археологами европейской части страны.

²² Благодарю И.Ю. Пастушенко, позволившего мне в декабре 2004 г. осмотреть коллекцию в Удмуртском госуниверситете. Стремя имеет инв. № 1856/7 и, вероятно, происходит из погр. 26. Из погр. 24 происходят аскизские удила с упорами.

²³ Пастушенко И.Ю. Кишерский могильник... Рис. 2, 1-3; 6, 21-6; 9, 22-8; 11, 26-12; 15, 17-22.

²⁴ Отсюда очевидна обманчивость рассмотрения железных предметов памятника как однородной серии и объяснения особенностей технологии «удаленностью от центров металлообработки того времени»: Перевозищев С., Волкова З. Результаты металлографического анализа железных предметов из Кушертского могильника и I поселения в бассейне Сылвы // Finno-Ugrica, 2005–2006. № 9. С. 74, 75.

²⁵ Кызласов И.Л. История Южной Сибири... С. 118.

²⁶ Коновалова И.Г. Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабо-персидских авторов // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 130.

²⁷ Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т. Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья. Пенза, 2001; Крамаровский М.Г. Ранние Джучиды... С. 61, 62.

²⁸ Эта культурная особенность показана серией работ Г.В. Длужневской (перечень их см.: Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в Центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М., 1998. С. 80, 81), недооценившей, однако, закономерности исторического развития региона и потому придавшей воздействию импульсу обратное направление.

²⁹ Кызласов И.Л. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // СА. 1980. № 2; он же. Изменения в материальной культуре кыпчаков в XIII–XIV вв. в связи с политическим положением в Азии // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987; Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т. Погребение знатного латника...

Древнехакасские изделия XIII–XIV вв. известны в погребениях кыпчаков и близкого им населения: Боталов С.Г. Аскизский курган монгольской эпохи Кула-Айгыр // РА. 1992. № 2 (только вещи аскизские); он же. Поздняя древность и средневековье... С. 376–382; Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А. и др. Шумаевские курганы. Оренбург, 2003. С. 39–49, 263. Рис. 30, 4, 5, 31, 11; Мештерхази К. Памятники аскизской культуры у с. Ракамаз // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984 (поскольку предметы не были в трупосожжении, комплекс, вероятно, связан с кыпчаками).

В Казахстане известны аскизские памятники XI – начала XIII вв.: на Ишиме погребение Ак-Полак (Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. / САИ, вып. Е-18. М., 1983. С. 54, 55, 73. Рис. 29, А. Табл. XXXV), а отдельные, пока неузнаваемые местными археологами изделия – от Актюбинской (Бисембаев А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск, 2003. С. 133. Рис. 28, 1: колчанный крюк) до Талды-Курганской области (Алматы, Центральный гос. музей Казахстана, экспозиция: удила с псалиями – Кызласов И.Л. Аскизская культура ... С. 54, прим. 53).

³⁰ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири... С. 112–115. Эта особенность южносибирского средневековья мало осознается историками. Между тем, связь власти с купечеством вполне очевидна для других стран изучаемой эпохи, не исключая Восточную Европу – см. эпиграф к моей статье.

³¹ Эта категория привозных предметов, однако, изучена не полностью. Так, вне внимания пока остаются зеркала коллекции М.В. Флоринского, ныне хранимые в Национальном музее РТ в Казани (Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // ТА. 2004. № 1-2. С. 128, прим. 1).

³² Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М., 1975. С. 24–28.

³³ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири... С. 121. Данная Л.Р. Кызласовым трактовка сведений Аль-Омари как указания на связи Булгара с Причудымьем, ныне принята: Полубояринова М.Д. Китайский фарфор с Болгарского городища // РА. 2003. № 3. С. 143.

³⁴ Коноваленко С.И., Ожередов Ю.И., Русских И.В. Украшения из прибалтийского янтаря у тюрок Томско-Чулымского междуречья // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 39.

³⁵ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири... С. 120, 122.

³⁶ Могильников В.А. Угры и самодийцы... С. 214–216, 235. Карта 41. Табл. ХСII.

³⁷ Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 2004. С. 119.

³⁸ Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь: государства, главные партнеры, торговые маршруты // Скандинавские чтения 2000 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2002. С. 7, 8.

³⁹ См., например: Кызласов Л.Р., Копкоев К.Г. Хакасия в XVII – начале XVIII в. // История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 177

⁴⁰ Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы) // Избранные труды. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 100.

⁴¹ Бородавский А.П. Поиски серебра в Сибири и возведение русских острогов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. II. Новосибирск, 2003. С. 25–29.

⁴² Можно думать, что уже в неолитическую эпоху Сибирь становится поставщиком драгоценной пушнины. Не случайно с конца V тыс. до н.э. жители Западной Сибири и Северного Казахстана для защиты своих богатств начинают возводить укрепленные поселения с деревянными стенами и рвами. Они достигают 64-той широты, вторгаясь в хантыйские болота. Деревянные города и крепос-

ти, жилые башни и другие виды укрепленных поселений непрерывно существовали в аборигенной Сибири с неолита до XVII в. (Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1993; он же. Первогорода древней Сибири (в бронзовом и раннем железном веках) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1999. № 3; Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины железного веков // Очерки культурогенеза народов Западной

Сибири. Т. I. Поселения и жилища. Кн. I. Томск, 1994, глава 5; он же. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002. № 3).

⁴³ Кызласов Л.Р. Земля Сибирская. Абакан – М., 1994. С. 76–79.

⁴⁴ Кызласов Л.Р. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 43–45; Кызласов Л.Р., Копкоев К.Г. Хакасия в XVII – начале XVIII в. ... С. 173, 174, 179–181.